

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

КАНГЕЛЬДИЕВ А.Н.,
доктор политических наук
ДЖУСУПБЕКОВ А.К.,
доктор философских наук,
зав. отделом ИФиППИ НАН КР
ualibrary@mail.ru

***Аннотация:** В этой статье отражены концепции и взгляды ведущих советских ученых по проблеме этнической и национальной идентичности.*

***Annotation:** In this article is reflected the conception and look of the main soviet scientists who studious ethnic and national identity problem.*

Прежде чем анализировать понятие этнической идентичности, которое вошло в научный оборот русскоязычных исследователей в основном в постсоветское время в связи с массовым проникновением западных концепций этничности, важно провести обзор взглядов советских ученых на такие ключевые понятия марксистско-ленинской теории нации, как нация, этнос, национальное и этническое самосознание.

Фундамент марксистско-ленинской теории нации составляет сталинское определение нации, как исторически «сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

В последующие годы, вплоть до перестройки, подход Иосифа Сталина к феномену нации господствовал в советской науке, а также активно использовался частью западных ученых.

Следует отметить, что в отличие от основоположников марксизма-ленинизма И. Сталин уделял особое внимание обратному воздействию надстройки на базис. Более того, в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания», написанной в 1950 г. в связи с дискуссией в «Правде» по вопросам языкознания, он утверждал о недопустимости смешивания языка с надстройкой и что развитие языка совершается иначе, чем развитие базиса и надстройки.

Анализируя сталинские взгляды на национальную идею, известный современный немецкий философ Курт Бюхнер отмечает, что для Ленина эта идея была ничем иным, как изобретением буржуазии, которая должна была привязать рабочий класс к капиталистическому государству и отвлечь его от международной солидарности. Сталин отошел от безоговорочного интернационализма марксистов, но, тем не менее, он попытался объединить национальную идею с господствующим учением о государстве. Нация, по Сталину, есть форма, в которой является общество, и она должна быть наполнена социалистическим содержанием [1, с. 207]. Ленин, как ложно приписывал ему Сталин, отбрасывая национальное, лишь бичевал содержательное амальгамирование с идеологическими представлениями буржуазии, но не его само, – замечает К. Бюхнер, описывая сталинскую концепцию нации, – правда, в ходе мирового триумфа социализма, наконец, возникнет единая нация, в которой были бы поглощены все предшествующие ей» [2, с. 208].

Ярким примером отхода И. Сталина от марксизма является мощнейшая пропаганда в годы Великой Отечественной войны, использовавшая национальные чувства и

призывавшая к тому, чтобы защитить Родину, и не просто родину так называемых социалистических достижений, но, прежде всего, Родину живущих в Советском Союзе наций.

Действительно, сталинизм призвал на помощь образы Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова и других русских героев из истории, несмотря на их классовую принадлежность. В Кыргызстане среди воинов-киргизов стал возрождаться культ Манаса, который в предвоенные годы был под идеологическим запретом.

В послевоенные годы Сталин, рассматривая язык и нацию, подчеркивает, что нация есть нечто целое, внутри которого выступают его классы и классовые противоположности. Если бы этого манифестированного в языке и нации целого не существовало, не могло образоваться никакого общества, даже никакого внутренне противоречивого. Язык и нация – это не только необходимые узы, связывающие в единство граждан государства, но они связывают воедино поколения в прошлом, настоящем и будущем [3, с. 209].

Таким образом, сталинская концепция нации противоречит марксистско-ленинской и по своей сути отличается от нее признанием неклассовости национальных языков, национальной целостности, пусть даже классово-противоречивой, единства поколений национальной общности.

На наш взгляд, ретроспективное обращение к научному наследию И. Сталина по национальному вопросу является необходимостью при анализе взглядов советских ученых на этническую и национальную идентичность, так как после развенчания культа личности советского вождя его вклад в разработку теории нации был предан забвению на несколько десятилетий, вплоть до развала СССР.

По мнению А.А. Прусаускаса, крупного современного российского специалиста в области теории нации и этноса, хорошо знакомого с отечественными и зарубежными исследованиями этнополитических и этнокультурных процессов вплоть до конца 50-х годов, сталинское определение воспринималось марксистскими исследователями как бесспорная истина, но и новейшие этнические определения нации отечественными и зарубежными исследователями существенно не отличаются от сталинской дефиниции [4, с. 53].

В постсталинский период, начиная с 60-х годов в развитии советской обществоведческой науки наметился определенный сдвиг, своего рода «разделение труда», когда этнографы стали заниматься теорией этноса и этнических процессов, а философы – теорией нации, проблемой национализма и национальными вопросами [5, с. 49].

В период брежневского правления во второй половине 60-х годов на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия вокруг понятия «нация». Большое внимание было уделено национальному самосознанию как нациобразующему признаку.

По мнению М.А. Карыбаевой, несмотря на негативную позицию итоговой статьи, нельзя не отметить позитивные сдвиги, достигнутые в ходе дискуссии:

- рядом ученых признано, что национальное самосознание – реальность субъективного порядка, которая производна от объективных условий функционирования и развития этнических общностей и в этом смысле оно вторично;
- отмечена социальная роль самосознания;
- сделана попытка раскрыть содержание данного явления;
- конкретизирован вопрос о месте национального самосознания среди характерных черт этнических общностей [6, с. 7].

Но следует обратить внимание на то, что этнология, опираясь на эмпирические исследования, более конкретно и предметно занималась проблемами этнического самосознания, тогда как социальная философия была более зависима от партийных установок и политической конъюнктуры и была больше идеологией, нежели наукой, поэтому философы не могли выйти за рамки, установленные догматическим марксизмом, господствовавшим в застойные годы в СССР, занимались в основном популяризацией и

разъяснением сталинской концепции, пустившей глубокие корни в советской теории нации и национальных отношений. Шагом вперед в философских разработках явилось обсуждение феномена национального самосознания как самостоятельного признака нации, чего не было в сталинском определении нации.

В 70–80-е годы в советской литературе прочно утверждается термин «этнос», заметно потеснив понятия «племя», «народность», «нация», «национальность». Наиболее фундаментальная разработка этого термина дана в трудах академика Ю.В. Бромлея, где он определяет этнос «как исторически сложившуюся на данной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самосознании (этнониме)» [7, с. 58].

Другой советский этнограф М.В. Крюков обосновывает свою историческую типологию этнических общностей, представляющую собой одновременно периодизацию процесса этнического развития человечества: «на первом этапе, совпадающем с эпохой первобытности, архаическим этническим общностям свойственны аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания (что проявляется зачастую в отсутствии самоназваний), нечеткость этнических границ. Второй этап соответствует эпохе рабовладения, от отмечен активизацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием, в основе которого лежит обычно представление о делении человечества на «нас» и варваров. На третьем этапе по мере развития феодализма наблюдается процесс стагнации этнических общностей; средневековые этносы зачастую утрачивают свой дискретный характер, их специфика затушевывается, а этнические связи оттесняются на второй план социальными отношениями иного рода. На четвертом этапе кризис феодализма создает объективные предпосылки для интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств, что сопровождается формированием принципиально новых компонентов этнического самосознания».

Большой интерес представляет концепция этноса С.А. Арутюнова, которая заключается в том, что в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникационных и информационных связей. Автор подчеркивает, что и религиозные, и профессиональные, и политические, и спортивные, и любительские, и другие общественные группировки основываются на информационных сгустках, но на сгустках тематически выборочных иносвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности [8, с. 10].

В понимании сущности этноса кроме социально-культурного подхода Ю.В. Бромлея, информационной концепции С.А. Арутюнова в советской литературе особое место занимает социобиологическое направление исследования этнических общностей Л.Н. Гумилева.

В своей работе «География этноса в исторический период» автор «эмпирически обобщающего», как он пишет, «тридцать статей и четыре монографии, еще четыре трактата, выражающие суть диалектики природных процессов антропосферы» рассматривает возрасты этноса, предлагает описание особенностей, характера фаз этногенеза, закономерности взлетов и увяданий этносов, ценностей, названной им «конец и вновь начало» [9, с. 7].

Рассматривая антропосферу, которая имеет мозаичный характер, Л.Н. Гумилев называет ее этносферой, так как последняя делится на сообщества, которые попросту называются народами, либо нациями, либо этносами. «Народ» – слишком «неудобный» термин. «Нация» – применяется только к условиям капиталистической и социалистической формации, и именно термин «этнос» очень пригоден для того, чтобы им обозначить сообщества, на которые распадается все человечество.

Первоначальные образования, первоначальные коллективы, существовавшие еще до появления у человека материального производства и помогавшие выживанию, с появлением общества, постепенно развиваясь, создали те целостности, которые называются этносом.

Отличая этносы от расы и популяции, автор считает их явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный ландшафт.

Л.Н. Гумилев подчеркивает, что этносы нельзя сводить только к тем или иным социальным явлениям, они – сочетание природного явления с теми социально обусловленными, искусственно созданными условиями, при которых мы природное явление можем констатировать, изучать и использовать.

К другой особенности этноса автор относит наличие более или менее сложной структуры, которая обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания. Принцип этнической структуры, по Л.Н. Гумилеву, означает иерархическую соподчиненность субэтнических групп, понимая под последним «таксономические единицы», находящиеся внутри этноса (как зримого целого), не нарушающего его единство.

В качестве примера, иллюстрирующего вышеизложенное, приводится следующее: «Карел из Тверской губернии в своей деревне называет себя карелом, а, приехав учиться в Москву – русским, потому, что в деревне противопоставление карелов русским имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быту и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Но, если это не карел, а татарин, то он будет называть себя татарин, ибо бывшее религиозное различие углубило этнографическое несходство с русскими. Чтобы искренне объявить себя русским, татарин должен попасть в Западную Европу или Китай, а в Новой Гвинее он будет восприниматься как европеец не из племени англичан или голландцев, т.е. тех, кого там знают».

Этническая система, как все живые системы, обладает способностью к саморегуляции, в историческом развитии динамична и, следовательно, как любой долгоидущий природный процесс, выбирает посильные решения, чтобы поддержать свое существование, а прочие отсекаются отбором и затухают.

При этом этносы сопротивляются уничтожению, т.е. они антиэнтропийны и приспособляются к внешним условиям, насколько это возможно, а сколь скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рождении не был столь мозаичен, он стал сам выделять субэтнические образования, иногда маскировавшиеся под сословия, но отнюдь не классы.

Основная функция этих субэтносов – поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества.

Рассматривая механизм этнической системы, автор считает, что сложность – это его органическая деталь и как таковая возникает в самом процессе этнического становления, или этногенеза, а при упрощении этнической системы в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного, что знаменует персистентное (пережиточное) состояние этносов.

На наш взгляд, вышеизложенные постулаты Л.Н. Гумилева, крупного специалиста по номадическим цивилизациям, представляют большую методологическую ценность при изучении различных уровней этнической идентичности номадов. Ими можно объяснить феноменальную живучесть номадических этносов. В частности, существование родоплеменных идентичностей у номадов позволяет последним поддерживать этническую ценность путем внутренней сложности этнической идентичности, состоящей из самоотождествлений и самосознаний на родоплеменном уровне. Этим достигается сопротивляемость аннигиляции внешними ударами, не позволяя упрощению этнической системы, ведущей к этнической деградации. Именно сложность структуры этнической идентичности номадов является ключом к разгадке многовековой выживаемости номадов.

Опираясь на системный анализ, подразумевающий анализ системных связей, Л.Н. Гумилев этнос определяет как замкнутую систему дискретного типа – корпускулярную систему, которая, получая единый заряд энергии и растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части и представляет собой природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам (не «мы»).

Рассматривая проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения разного уровня, культуры и различных особенностей, автор подчеркивает, что влечет их друг к другу – не принцип сознательного расчета или социальной близости, а комплиментарность как неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим, т.е. положительная и отрицательная комплиментарности.

На уровне этноса она именуется патриотизмом, но когда она принимает «уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому, тогда она именуется шовинизмом».

Здесь Л.Н. Гумилев характеризует различные типы этнической идентичности, такие как патриотизм и шовинизм.

Л.Н. Гумилев в своих работах утверждает, что этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную обложку и в основе этнического деления лежит разница поведения особей, составляющих этнос, и когда особи, взаимодействуя друг с другом, обнаруживают одинаковую вибрацию биотоков или, иными словами, – единый ритм (частоту колебаний), то немедленно возникает целостность – однонастройная, эмоционально, психологически и поведенчески, что, очевидно, имеет физический смысл, и которая тут же оформляется в социальный институт, организующий коллектив пассионариев: общину, философскую школу, дружину, полис и т.д. и при этом охватываются особи не пассионарные, но получившие тот же настрой путем пассионарной индукции. Далее консорция преобразуется в этнос, который при расширении покоряет (политически или морально) другие этносы и навязывает им свой ритм и поскольку ритм накладывается на иные ритмы, полной ассимиляции не происходит и возникает субэтнос.

В случае, если при сочетании данного ритма с другими теоретически может возникнуть гармония, когда фазы колебания идут в унисон, то происходит этническое слияние, ассимиляция, если же имеется дисгармония, своего рода какофония, то она порождает нарушение ритма одного или обоих полей, что расшатывает системные связи и ведет к аннигиляции.

Несмотря на спорность ряда положений своей концепции, Л.Н. Гумилев дал мощный импульс этнологическим изысканиям, продемонстрировав возможность использования ряда новых естественнонаучных методологий в исследовании социальных процессов. Он понимал, что марксистская парадигма не является единственной материалистической и обязательной теорией, что возможны новые плодотворные направления научной мысли на стыке различных научных дисциплин.

Обе концепции, которые получили широкое распространение в советской литературе, были подвергнуты критике со стороны В.А. Тишкова, который считал, что общепринятой дефиниции этноса не существует, но доминируют такие ее определения, как этносоциальный организм (Ю.В. Бромлей) или как биосоциальный организм (Л.Н. Гумилев), но современная концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание, прежде всего, на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов.

Более заметный и осязаемый вклад в исследование этнической и национальной идентичности в советский период внесли представители частных социальных дисциплин, таких как этнология, этнопсихология и этносоциология.

Если философы при рассмотрении феномена национального самосознания в советской литературе употребляют его как синоним понятия национальной идентичности, применяемый в ряде западных работ, и замыкались в дискуссиях, насколько правомерно существование единого национального отождествления в классово-антагонистическом обществе, то представители специализированных социальных дисциплин в своих работах позволяли себе больший плюрализм мнений, точек зрения, сопоставимый с передовыми научными достижениями в западной научной мысли.

Концепции этнического и национального самосознания, изложенные в работах ряда советских ученых, в первую очередь Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилева, М.В. Крюкова, С.А. Арутюнова и других, доказывают, что нельзя сводить научные изыскания в области наций и национальных отношений лишь к популяризации партийных программ и установок. Ряд идей, высказанных этими учеными, актуальны не только для отечественной философии и науки, но представляют определенный интерес и для зарубежных ученых, особенно для анализа этнической ситуации в СССР и постсоветских государствах. Не следует упускать из виду, что данный регион мира, составляющий шестую часть мировой суши, населенный сотнями этносов и наций, играл не только в прошлом большую роль, но имеет огромный потенциал в настоящем и будущем в развитии человечества, в том числе в сохранении и прогрессе этнического многообразия, как одного из составляющих ключевые гуманистические ценности.

Главной особенностью интерпретации этнической и национальной идентичности в советский период является то, что эти термины почти не использовались в научной литературе, взамен их оперировали понятием этнического и национального самосознания, как тождественных по содержанию. Причем придерживались так называемой примордиалистской концепции этнической и национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению // Пер. с нем. Антоновского А.Ю. – М.: Канон+, 2001. – С. 207
2. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению // Пер. с нем. Антоновского А.Ю. – М.: Канон+, 2001. – С. 208
3. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению // Пер. с нем. Антоновского А.Ю. – М.: Канон+, 2001. – С. 209
4. Этнос и политика: Хрестоматия // Автор-составитель А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во РАО, 2000. – С. 53.
5. Чотаева Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Б., 2005. – С. 49.
6. Карыбаева М.А. Национальное самосознание: философско-методологический анализ. – Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. – Б., 1999. – С. 7.
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 58.
8. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность. // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 10.
9. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 7.